Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	РИНЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

SOI: 1.1/TAS DOI: 10.15863/TAS

International Scientific Journal

Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) **e-ISSN:** 2409-0085 (online)

Year: 2023 **Issue:** 04 **Volume:** 120

Published: 20.04.2023 **http://T-Science.org**

Issue Article

Faniya Maratovna Askarova
Andijan State Institute of Foreign Languages
Lecturer at the Department of Theory of the Russian Language and Translation Studies,
Uzbekistan

LITERARY LANGUAGE OF THE SECOND HALF OF THE 16th – 17th CENTURIES

***Abstract**: This article discusses the features of the language of the Moscow period, which was influenced by folk-spoken and book languages, describes the changes in the Russian language of the middle of the 17th century, grammatical and genre innovations.*

***Key words**: literary language, bilingualism, grammatical features, hesychasm, language tradition, archaization.*

***Language**: Russian*

***Citation**: Askarova, F. M. (2023). Literary language of the second half of the 16th – 17th centuries. ISJ Theoretical & Applied Science, 04 (120), 224-227.*

***Soi**: http://s-o-i.org/1.1/TAS-04-120-41 **Doi**: crossref https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2023.04.120.41*

***Scopus ASCC**: 1200.*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – XVII ВВ.

***Аннотация**: В данной статье рассматриваются особенности языка Московского периода, который находился под влиянием народно-разговорного и книжного языков, рассказывается об изменениях в русском языке середины XVII века, о грамматических и жанровых новшествах.*

***Ключевые слова**: литературный язык, двуязычие, грамматическая особенность, исихазм, языковая традиция, архаизация.*

Введение

Прежде чем говорить о литературном языке XVI – XVII вв., необходимо отметить, что существует несколько периодизаций истории русского литературного языка [7; 2; 9; 10; 13]. Мы статье мы придерживаемся научного подхода А. М. Камчатнова, выделяющего три периода в истории русского литературного языка (киевский, московский и период Нового времени) на основании особенностей языковой ситуации в каждый период [4].

В XVI в. отчетливо ощущается разрыв между книжно-письменным и разговорным языком, церковнославянские тексты становятся непонятны даже монахам [5]. Церковники, работавшие над исправлением богослужебных книг под руководством Максима Грека, пытаясь упростить язык старых переводов, заменяли самые обычные элементы старославянского языка, так как они оказывались непонятными даже грамотным людям (например, *вскую на чего ради*, *выну – всегда*, *ны – насъ*, *велии – великъ* [5].

К разрыву между литературным и разговорным языком привели следующие изменения в грамматике: утрата аориста, имперфекта, плюсквамперфекта и образование одной формы прошедшего времени на основе формы перфекта без связки; утрата супина; редукция конечного *-и* в суффиксе инфинитива; редукция окончания глаголов в форме 2-го лица, замена *-сѧ* на *-сь* в возвратных глаголах; утрата звательной формы; утрата двойственного числа; утрата склонения кратких прилагательных; замена окончаний прилагательных И.п. м.р. ед.ч. *-ый*, *-ий* на *-ой*, *-ей*; перестройка системы склонений существительных; выравнивание основ на заднеязычные *к*, *г*, *х*; употребление местоимений *меня*, *тебя*, *себя* взамен утраченных *мене*, *тебе*, *себе*; утрата конструкций двойной винительный и двойной именительный с заменой на конструкцию

винительный + творительный; утрата конструкции дательный самостоятельный; архаизация слов и замена новыми.

В XVI в. все эти признаки уже не являются нейтральными, как было в литературном языке XI – XIV вв., они становятся «стилистически маркированными, являясь принадлежностью именно литературного языка. Генетические славянизмы и архаические русизмы слились в одну категорию книжных элементов» [4]. Языковая ситуация в Московской Руси XV в. характеризуется противопоставлением книжно-письменного и разговорного языков и представляет собой двуязычие. Иначе говоря, литературный язык и разговорный уже не вмещались в одно языковое сознание и воспринимались как разные языки. Функции литературного языка выполняли языки славянский и среднерусский, язык деловой письменности, испытывавший влияние как народно-разговорного, так и славянского языков.

Надо отметить, что особенность «двуязычия состояла не в том, что славянский и русский языки выполняли разные культурные функции и потому дополняли друг друга, а в том, что они занимали разное место в иерархической структуре бытия» [4]. Славянские книжники стремились оградить язык Писания от сближения с разговорным языком, следствием чего была архаизация и грецизация русской графики и орфографии [3]. Существенное влияние на это оказало движение исихазма. «Исихазм развил и обогатил традиционные для православия символические представления о слове, т.е. представление о непроизвольной, безусловной связи между означающим и означаемым» [4]. Литературный язык «не может и не должен приспосабливаться к переменчивой стихии живой речи» [4]. Таким образом, славянский язык был огражден от проникновения в его систему новых элементов, но при этом оказался замкнут в самом себе, что лишало его дальнейшего развития. Объединение элементов разговорного и книжного языков в тексте «было недопустимо именно в силу соображения чести и бесчестия» [4]. Архаизация текстов исчерпает себя только к середине XVI в., как отмечает Л. П. Жуковская, «явления в графике и орфографии, которые по традиции все еще неверно относят ко «второму южнославянскому влиянию», с середины XVI в. и во всяком случае во 2-й половине этого столетия изгоняются, и начинается складываться новая орфография» [3].

На славянском языке Епифанием Премудрым были созданы Жития Сергия Радонежского и Стефана Пермского. Особенностью стиля этого агиографа было «плетение словес»: перифрастичность, многочисленные метафоры и эпитеты, ряды синонимов, дополняющих друг друга, риторические вопросы, изобилие длинных слов, образованных из нескольких корней. Этот способ словообразования чужд славянскому языку, но он стал показателем возвышенности стиля. Епифаний Премудрый и сам сочиняет сложные слова: *доброразумиченъ*, *скоровычение*, хотя в тексте житий сам допускает вкрапления русских слов по недосмотру [5]. Однако такой стиль агиографа – это вовсе «не риторические приемы как способы построения текста, в отличие от южнославянской агиографии, а стремление выразить идеальное содержание в полноте перечислений...» [15].

На славянском же языке написаны произведения повествовательной литературы XV – XVII в.: «Задонщина», «Сказание в князьях Владимирских», «Сказание о Мамаевом побоище»; исторические и публицистические сочинения: «Книга степенная царского родословия», сочинения Андрея Курбского, Нила Сорского.

Хотя языковой пуризм не позволял литературному языку черпать художественные средства в народной речи, все же находились авторы, синтезирующие в своих произведениях элементы этих языков. Ярким примером здесь будут послания Ивана Грозного и «Домострой».

Таким образом, основной формой литературного языка в Московской Руси был славянский, на нем создана большая часть произведений. Однако он, вследствие невозможности проникновения в язык новых элементов, был лишен перспективы развития.

Но «тут же, рядом с охраной традицией «славянского» языка, уживаясь с ними в одних и тех же стилях, глубоко проникает в письменность живая устная речь, идет борьба за литературные права народного языка, т.е. письменной и разговорной речи широких слоев народа» [1]. Произведения, созданные на языке, близком к разговорному, среднерусском языке, находились на периферии литературы, однако для их языка характерно стилистическое богатство. А. М. Камчатнов в своем исследовании русского литературного языка приходит к выводу, что в этом заключалась «асимметрия языковой ситуации в Московской Руси» [4].

Образцом среднерусского языка XV в. можно назвать «Хожение за три моря» Афанасия Никитина. В XVI – XVII вв. на этом близком к разговорному языке были написаны «Сказание о Магмет-салтане» Ивана Пересветова и «Повесть об азовском осадном сидении донских казаков». В этих сочинениях синтезированы книжная и разговорная стихия, традиция фольклора и древнерусской книжности. Здесь соединены славянизмы, фонетические и морфологические, и элементы разговорной речи (например, многократные глаголы), просторечная лексика и иноязычные слова и понятия.

Во второй половине XVI в. начинает формироваться «на почве урегулирования соотношений славянизмов и русизмов своеобразная система трех стилей литературного языка» [1]. «Высокий стиль» по классификации М. В. Ломоносова является непосредственным наследником языковых и стилистических норм, выработанных в XVI в. [5], и знаковую роль в этом сыграли ВМЧ митрополита Макария.

Минеи Четьи не только оказали влияние на укрепление государственности и основ веры истинной, но и стали своеобразным литературным образцом своего времени: они «даже лежа на царском дворе и в главных храмах Москвы и Новгорода ... могли служить авторитетным образцом и указанием для всех законопослушных книжников» [6].

В XVI в. важной задачей агиографической литературы становится донесение до читателя идеального смысла текста простым, но возвышенным языком – «такое понимание языка и стиля четьих житий... было присуще ... митрополиту Макарию и его сподвижникам». Потому в Минеи по эстетическим или политическим причинам были включены не все жития, известные в русской письменности XV – XVI вв. [15].

Следует теперь вкратце остановиться на языковых особенностях житий, включенных в состав Миней. Т. П. Рогожникова, изучившая стилистические и жанровые особенности этих житий и отличия минейных редакций житий от неминейных, указывает на следующее: для минейных редакций характерно синтаксическое распространение словосочетаний, введение косвенной речи в форме дательного самостоятельного взамен прямой речи, замена глаголов конкретной семантики абстрактными по смыслу оборотами, использование глагольной формы настоящего исторического вместо аориста, устранение сложных слов; в словообразовании отдается предпочтение суффиксальным моделям отглагольных существительных (*любы – любление*) и т.д. [15]. Повествование лишено неожиданных поворотов сюжета, вымысла, оно ясное, краткое, правдоподобное [15].

В середине XVII века языковая ситуация существенно меняется, и связано это с происходившими политическими, культурными, религиозными событиями, главным из которых был церковный раскол. В сочинениях старообрядцев хорошо видно, как «живая народная речь была вовлечена в смысловую атмосферу церковнокнижного языка и, так сказать, «освящена» им» [1]. Протопоп Аввакум создает свои послания и Житие на языке, близком к народному, называя его «вяканьем». В его текстах славянизмы сталкиваются с просторечиями, книжные понятия, приспосабливаясь к разговорной речи, поясняются синонимами из народного языка, - и так происходит бытовое осмысление славянских слов, фразеологизмов. Аввакум в стилистических целях, для выражения презрения к вероотступникам, в одной фразе соединяет возвышенную славянскую лексику и просторечные резкие выражения, добиваясь острого художественного эффекта. Широко использует он в текстах уменьшительные имена для выражения теплого отношения к адресату или предметам, вызывающим добрые воспоминания. Такое функционирование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами в стилистических целях было особенно характерно, по наблюдениям Б. А. Ларина, для языка пословиц того времени [5]. Славянская фразеология посредством соседства с просторечиями лишается своей высокопарности. «Одни и те же образы колеблются между библейской и обиходной разговорной речью» [1].

Подвергается влиянию разговорной, простой русской речи синтаксис сочинений Аввакума: чередование коротких предложений, редкие причастные присоединения, отсутствие периода, преобладание присоединительной связи над подчинительной – все это делает тексты протопопа Аввакума динамичными, понятными простому читателю.

Язык сочинений Аввакума, соединивший книжное и разговорное, славянское и русское, разрушал сложившееся в Московской Руси двуязычие, предвосхищая дальнейшую судьбу русского литературного языка [4].

Что касается грамматики языка XVII в., то здесь утверждаются явления, которые будут характерны для языка XVIII – XIX веков: объем категорий одушевленности и неодушевленности, система словоизменений местоимений, система словоизменений составных имен числительных; развитие и закрепление новых форм синтаксической связи (с союзом *если, потому что, оттого что*) [1].

Во второй половине XVII в. возникают пародийные сатирические произведения («Служба кабаку», например), бытовая повесть. И в них также, как в сочинениях протопопа Аввакума, происходит «объединение разнородных элементов в новые стилистические единства» [4], хотя и на периферии литературы.

Славянский язык оставался литературным языком Московской Руси в конце XVII в., значительно расширив свое влияние благодаря барочной культуре, отдающей предпочтения торжественным панегирикам, дидактической поэзии, школьным драмам. Однако в нем заметно увеличивается количество заимствований: через украинский и польский языки проникают технические, юридические, научные понятия. А благодаря вливанию просторечной и диалектной

лексики, яркой характеристикой языка этого времени стала широкая синонимия [4].

References:

1. Vinogradov, V. V. (1978). *Istorija russkogo literaturnogo jazyka.* Izbrannye trudy. Moskva: Nauka.
2. Gorshkov, A. I. (1984). *Teorija i istorija russkogo literaturnogo jazyka.* Moskva.
3. Zhukovskaja, L. P. (1987). *Grecizacija i arhaizacija russkogo pis'ma 2-j poloviny XV-1-j poloviny XVI vv. (ob oshibochnosti ponjatija «vtoroe juzhnoslavjanskoe vlijanie»).* Drevnerusskij literaturnyj jazyk v ego otnoshenii k staroslavjanskomu. (pp. 144-176). Moskva: Nauka.
4. Kamchatnov, A. M. (2005). *Istorija russkogo literaturnogo jazyka: XI-pervaja polovina XIX veka.* Moskva: Izdatel'skij centr «Akademija».
5. Larin, B. A. (2005). *Lekcii po istorii russkogo literaturnogo jazyka (X – seredina XVIII vv.).* Sankt-Peterburg: Avalon.
6. Lur'e, Ja. S. (1970). *Sud'ba belletristiki v XVI v.* Istoki russkoj belletristiki. Leningrad.
7. Meshherskij, N. A. (1981). *Istorija russkogo literaturnogo jazyka.* Leningrad.
8. Popov, D. V. (2021). *Stil' «pletenie sloves» v poslanijah Ivana Groznogo.* Moskva: Izdatel'stvo «Pero».
9. Popov, D. V. (2017). Russkij literaturnyj jazyk XVI veka i problema vtorogo juzhnoslavjanskogo vlijanija. *Buhoro Davlat universiteti Ilmij ahboroti*, 4, pp. 48-54.
10. Popov, D. V. (2018). Spornye voprosy periodizacii russkogo literaturnogo jazyka. *Buhoro Davlat universiteti Ilmij ahboroti*, 2, pp. 102-107.
11. Popov, D. V. (2018). Kompozity v poslanijah Ivana Groznogo. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 3, pp. 256-261.
12. Popov, D. V. (2018). *O ponjatii knizhnoj normy v istorii russkogo literaturnogo jazyka.* Aktual'nye problemy filologii i zhurnalistiki. Uzhgorod. (pp. 222-225).
13. Popov, D. V. (2018). *Russkij literaturnyj jazyk XVI veka i stepen' ego issledovannosti.* Aktual'nye problemy razvitija rechi i mezhkul'turnoj kommunikacii. (pp. 63-66). Moskva.
14. Popov, D. V. (2020). O literaturnom jazyke Moskovskoj Rusi. *Nauchnyj vestnik Namanganskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5, pp. 277-281.
15. Rogozhnikova, T. P. (2003). *Zhitijnye teksty «Makar'evskogo cikla»: Zhanr i stil'.* Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta.